

Рядовая России

Родилась я родилась в 1919 году. День рождения зарегистрирован священником в книге Слободчиковской церкви Усть-Ишимского района, что в четырех километрах от деревеньки Смолино Омской области. И большинство жителей деревни носили фамилию Смолины.

Семья наша была кулацкой, как объяснили отцу представители власти, а потому разговор с ним был короткий: или вступай в колхоз, или...

А куда в колхоз, размышлял отец, если в семье восемь душ, и все мал-мала меньше. Меня, например, в девять лет заставляли жать серпом хлеб, а после жатвы служить нянькой у соседа. От колхоза отец отказался, и нас выселили из села. Подогнали подводу, отец посадил нас всех в нее, и поехали мы из родного дома в неизвестность. Мать наша к тому времени умерла и не видела страданий своих детей. Умерла, нося под сердцем очередного ребенка. Пошла зимой на речку за водой, поскользнулась на ледяном спуске, упала на спину. Баба-повитуха велела натопить жарко баню - попарила мать, но не помогло.

В деревне Смолино закончила я первый и единственный в своей жизни школьный класс. А о том, что пережила за свою долгую жизнь, можно было написать целый роман. Из семьи остался в живых только мой брат Максим, ему 85 лет, и живет он в Александровском.

17 мая 1932 года высадились мы и еще несколько семей раскулаченных в Васюгане. Комарье, холод. Мужики были работающие, и, не теряя времени, начали строить избы. Как-то приехал в деревню уполномоченный, объявил вербовку в Александровский район на рыбный промысел. Отец и старший брат завербовались, мы переехали на новое место - в Колтогорск. Там стояло четыре домика. Но приезжие перебрались на противоположный берег, туда, где течет Пасол, и стали строить дома, которые потом образовали первую улицу Стрежевого - Береговую. Какой мы все это время испытывали голод, какую нужду терпели - не передать. Чтобы я не голодала, меня отдали в няньки в деревню Волково, сестру Марусю - в Медведево. А две младшие сестры умерли еще на Васюгане - слабенькие были от голода и не вынесли лишений.

До 14 лет прожила я в няньках. Рада была уже тому, что меня кормили. Мальчонка, за которым я ходила, Геннадий Пряничников, до сих пор живет в Александровском.

В 14 лет возвратилась я к отцу. Была я рослая, выносливая. Бог за все невзгоды, которые выпали на нашу семью, за смерть сестренок наградил меня крепким здоровьем. И колхозные власти посчитали, что я могу уже работать по-серьезному. Да и отец хотел скорее меня определить на работу, потому приписал мне лишних два года. Вышло, что мне не 14, а все 16. И послали меня в бригаду на лесоповал. Мужики корчевали деревья, а мы, молодые, собирали сучья. Снегу в лесу - выше пояса, одежонка не ахти какая - неизменная ватная телогрейка. Но от работы было жарко. Потом я работала водовозкой. Тоже тяжелая работа. Дали мне спецодежду: телогрейку, валенки с галошами и фартук. А еще большой черпак на длинной палке, которым я из проруби черпала воду и заливала ее в бочки. Возила я воду на ферму и в дома колхозникам. Несчетное число раз съездишь к проруби и обратно.

Но что значит молодость! После трудового дня вечером бежала в клуб, где начинались пляски под гармошку. Там и приглядел меня уважаемый в селе охотник Григорий Камчатин, хант по национальности. Пришел он к отцу меня сватать. А отец растерялся: у невесты и приданого нет. Собрала я в узелок свои вещи и пошла за женихом. Почему согласилась? Был он человек тихий, серьезный, не пил и не курил, добывал много пушнины - и белку и соболя, и горноста, и рыжую лисицу. И очень хотелось мне выбиться из нужды ну хоть чуток. Жил мой жених в доме Григория Андреевича Жданова, а будущий директор совхоза Григорий Григорьевич Жданов тогда еще под стол пешком ходил.

Свадьба была скромная: жених пригласил председателя колхоза, близких друзей. Отца моего на свадьбе не было - не стали его приглашать - кулак, мол, мало ли чего брякнет

при именитых гостях. И брак наш с Григорием не был зарегистрирован по той же причине: я дочь кулака, а он передовой колхозник.

На свадьбу мне сшили новое штапельное платье. И потекла наша жизнь все так же - трудная работа, скромные трудодни. Мужу за пушнину давали муку, патроны. Сама-то я ни одного мехового изделия ни разу в жизни не носила - шаль, платок да телогрейка - вот и все наряды. Ни разу за всю жизнь губы не накрасила помадой и кудри не завила, только иногда одеколон покупала. Все мы в те годы одевались одинаково - и русские, и хантыйки. Я жила среди них в деревне Юрты. Добрые, хорошие люди. За дорогие меха, что добывали их мужья, получали копейки. Любили трубку курить. Бывало, предлагают мне: - Надька, покури. Нет, я не приучилась ни курить, ни пить. Ни разу за свою жизнь на работу не опоздала. А работала - куда пошлют, туда и шла. Помню, на ферму сено возили на лошадах, возов по двенадцать в день. У меня и в трудовой книжке в графе "кем работает" записано: рядовая. С 1938 года работала я в артели. Потом колхозы пошли в моей жизни. А в 1967 году колхоз имени Куйбышева переименовали в подсобное хозяйство НПУ "Томскнефть". Тут уж пошла другая жизнь, намного лучше. В 70-е впервые в жизни купила я себе шубу.

Если спросите меня, как оцениваю свою жизнь? А как мне ее оценивать? Другой жизни я не видела и не подозревала, что она есть. В 70-е годы дали мне путевку в санаторий недалеко от Ялты. Вот и сподобилась увидеть жизнь красивую, ничем на нашу не похожую.

С мужем своим хантом прожили мы недолго. Родился у нас в 1939 году сын Володя. А мужа вскоре осудили на три года. С соседским мужиком начали бороться вроде в шутку, да Гриша ему нос разбил, кровь пошла. Тот при случае пожаловался участковому, показал свой нос распухший. А тут ликвидаторша подлила масла в огонь. Ликвидаторша эта приехала в село ликвидировать неграмотность, а Гриша ей что-то грубое сказал. Суд тогда был скорый: за драку да за оскорбление дали ему три года. Из тюрьмы забрали Гришу на фронт. И больше о нем ни слуху ни духу, даже похоронки не получила. Вспоминаю я его только по-хорошему. Он был прекрасный охотник, награждался премиями. Дома был стеснительный и немногословный и не обижал меня ни словом, ни делом. Вырос у меня сын Григория. Сейчас уж он тоже на пенсии.

Со вторым мужем прожили мы недолго - разошлись. Остался сын Александр, который носит мою фамилию и работает егерем. Так что род Смолиных продолжается. У меня много внуков и правнуков. Одна внучка живет в Москве, остальные здесь.

Стаж семейной жизни у меня короткий, детей поднимала одна. А вот в пожилые годы, мне уже было шестьдесят, больше повезло. Встретился вдовец Федор Григорьевич Черкасов. Прожили мы с ним в мире и согласии десять лет. Пять лет назад он умер. Теперь уж я совсем одна, заглядывают иногда внуки, правнуки. Я на них не обижаюсь - теперь у всех много дел...